

Игорь Шестков "Постскриптум"

Постскриптум к книге "Алконост"

Времени у меня полно – но для мысленного перехода из моего «бездуховного вакуума» в твой перенасыщенный «духовным кислородом» православный мир требуется мужество, которого у меня нет. Трудности – языковые. Отвык от высоких слов, на Западе давно обесценившихся. И к сожалению не спроста.

Девушек с узкими лицами и длинными бедрами я в нынешней Москве тоже заметил. Некоторых даже смог сфотографировать. То, что их раньше не было – неправда. У тебя просто была тяжелая юность. Армия... А у меня было много милых длинноногих узколицих подруг. Почти все – дочери гэбэшников, космонавтов или партийных боссов. Были они милы и нежны, но для пропахиванья «духовных полей» не годились. Фиалки.

«Время» связано с частотой дыхания или, например, взмахов крыльев бабочки. Колибри машет крылышками и дышит примерно в 500 раз чаще чем человек. И соответственно в 500 раз быстрее течет время маленькой птички.

Россия, сама не замечая, живет в замедленном времени, постоянно отставая от других. В моменты «X» происходит страшное ускорение, возникают разрывы. Ужасы.

Когда жареный петух клюет, Россия прыгает как кенгуру, падает и разбивает себе морду.

Россия не упиалась, а обожралась пространством, отравилась им, как алкаш – древесным спиртом из брошенной цистерны.

Что она с этим пространством сделала? Средняя полоса вырождается, деревни исчезают, средние и малые города дряхлеют и пустеют, великолепный Урал загажен радиацией, Зауралье осваивается китайцами...

Москва крепнет, провинция скудеет. Поля не засеиваются. Страна ничего не производит, кроме того, что из земли можно взять. Украсть у самих себя.

Будь осторожен с математикой и особенно с физикой. Метафизика, как выяснилось, стоит куда меньше физики, алхимия спасовала перед химией. Очень тяжелые камни легко транспортировать с помощью самых примитивных орудий. Небесные великаны – олигофрены, умер не только Фауст (недавний ураган сломал две огромные ели, которые росли рядом с его башней), но и Мефистофель.

Боги уже и не смердят. Воскрешать их искусственно – занятие опасное. Их отсутствие сильнее, чем их присутствие. Поживем, друг, в темноте, без света. Или включим электрический свет.

Тешить себя «духовностью» и «боженькой» – это сладко. Так блондинистые бяди зажигают свечи, курят ароматы и развешивают шелка прежде чем вульгарно отжаться. А потом ограбить клиента.

Я всегда ценил в тебе непримиримый к фальши аттический дух. Куда тебя занесло?

Рассказ «Мне было 19 лет» 39-летний Л. написал в лагере. Отсюда порнографический стимул – как у маркиза де Сада, расписавшегося в волю тоже только в тюрьме. Этот рассказ – смесь достоевщины и эротизированной живописи мирискусников. Откровенная порнография была бы интереснее – тут философская начинка и культурное «ля-ля» не помогает, тут сила слов нужна. Чтобы ширинка порвалась.

Твой текст – сатира на публикацию этих, порожденных зудящими яйцами и постящимся брюхом, больных цветов – родился из желания отомстить мертвому старику. Прокалывать шилом эти яйца не надо – они и так пахнут нехорошо, их надо было бы похвалить... С трибуны...

Плохо, что трибуны нет.

Ты задел меня замечанием о материи в обмороке, о жизни, невозможной без высших сфер, без высших сил.

Всю жизнь я тоже так думал, потому что так нас учили мудрые, так легче противостоять судьбе, безразличию природы, неизбежности смерти...

Так интереснее. Так тебя кто-то слышит (эти самые высшие силы). Постоянно

наблюдает.

Опыт эмиграции научил меня, что одиночество абсолютно. Никто не слышит нашего курлыканья...

Смерть крепка. Не путешествие, а конец.

Конец – сильнее путешествия, крепче ада и рая, интереснее мистических построений.

«Материя, которая в обмороке» существует только для людей не видевших фотографий микромира (электронный микроскоп) и макромира – слияния галактик, рождения и смерти звезд...

Тут не просто «панта рей». Тут и следа «материи» не видно. Сгустки энергии. Облака вероятности. Взрывы. Коллапсы. Скорости не человеческие.

Взаимосвязи не антропологические. Постоянные обмены энергией. Активные химические процессы. И полное равнодушие к апломбам человека.

Мы на все смотрим из своего масштаба времени и пространства – мы все очеловечиваем. Любой кусок «материи», будь то статуя Праксителя или космический челнок в масштабе час – сто тысяч лет, рождается и исчезает за несколько секунд.

В другом масштабе звезды возникают и сгорают за несколько мгновений. Для нас вселенная – миллиарды световых лет. Для других – один шаг. И это вовсе не значит, что эти другие «выше» нас. Скорее всего они кретины.

Каждая раса живет в своем масштабе времени и пространства. На уровне сантиметров совершенство – насекомые. На уровне двух метров – человек. На уровне парсеков – звезды.

Человек не выше муравьев. Совершенства возникают в своих масштабах. И судят о мире по своему локтю. Материя не стоит (как нам кажется), не течет (как мы догадались), а кипит, возникает и исчезает, постоянно меняет свои формы и свойства, превращается в энергию. В плазменном реакторе природы (отдадим и мы дань мирискусникам) празднуют свой дьявольский карнавал кварки и нейтрино. Не бытие, а вероятность бытия. Не пространство, а постоянно возникающая и исчезающая субстанция, временно-пространственная бурлящая

каша, которой в нашем (кажущемся) трехмерном, ньютоновском мире ни аналога ни названия нет.

И «высшие силы», если они и «есть» (что они едят?) существуют в своих нишах бесконечномерного пространства. Если им и есть какое дело до нас, что очень сомнительно, то это «экологические проблемы», «заповедники», «аквариумы». Не исключено, что «элохимы» создали «эдем» именно как аквариум с золотыми рыбками. Для потехи. Или на продажу. И смылись, когда надоело вмешиваться. Или просто когда деньги кончились.

Человек в лучшем случае не уничтожает муравьев.

«Жизнь» это самоорганизация материи не на кварковом уровне, а на уровне «протеинов». Биокomпьютер. С волей. Кто запрограммировал? Высшие силы? Возможно.

А может и нет. Программировать то пришлось только первую, исходную клетку. Дальше все пошло-поехало само (говорят биологи). Мы все потомки этой клетки, мы несем в себе ее свойства. И этим ограничиваем наши «ментальные» возможности. Наша жизнь возможна лишь в этой временно-пространственной нише. Между двумя ударами кометы.

Да, обычный ответ – мертвенное молчание, в котором слышится презрение к само-званцу, само-позванцу, само-писцу и отсебятнику. Не будь слишком строг, не трудись ставить меня на место! Доказывать, что русский писатель за границей – мертвый писатель. Быть мертвым не так уж плохо. Гораздо хуже – себя на родине под Путиным чистить. От чекистского помета...

Я свое место в мире мертвых обжил и обустроил. Но упрямое само-позванство и само-посыланство берут свое – и я посылаю, упрямо посылаю электронные письма с того света в редакции света этого, жду сюрпризов... И получаю.

Дозвонился я до редакторши одного из престижных московских литературных журналов. Скверная, видимо, баба. Голос капризный, визгливый. Говорили мы минуты две. Только потому, что у меня протекция была. От доброго старого Бориса Х-ва. «Просто так» она бы со мной и двух секунд не проговорила...

«Получили вы мои тексты?»

«Да».

«Прочитали?»

«Нет».

«Семь месяцев у вас лежат...»

«Многие по десять лет ждут. И вообще – мы на компьютере не читаем!».

«Почему не читаете?»

«У нас компьютеров нет...»

Позвонил мне главред журнала эмиграции «Другие берега», выходящего в Италии, господин Ободзинский. Он не стал мне петь песню «Эти глаза напротив», а сообщил, что моя проза одобрена редакцией к публикации в их журнале. Я помягчел, ободрился, пустил слюну...

Еще через несколько недель на интернетной странице «Других берегов» появились мои рассказы... Гордости моей не было пределов. Ага! – говорил я сам себе, – вот оно, новое! Пришло! Изменится моя никчемная жизнь.

Напечатали! Да еще и такой огромный кусок! Не пропадет мой скорбный труд!

Начал я считать и пальцы загигать. Один экземпляр для мамы, второй для первой разведенной жены (чтобы знала, какого парня потеряла), третий для второй жены (чтобы оценила и прониклась), четвертый для близкого друга, который обиделся на мой отъезд и прекратил со мной отношения (знай, мол!), пятый для... Всего, для начала, заказал десять книжек журнала... И жду и жду... Нетути. Звоню «глазам напротив». А они мне отвечают – наш журнал, извините, издание виртуальное, не бумажное.... Вы, – говорит, – не поняли... Может быть, когда в будущем... Того... Напечатаем.... И слышу я на другом конце звонкий девичий хохот. Вот так гундосых и учат, как говорили в застойное время...

Вы умеете сердиться! А я умею сердить. Ваши тексты из металла, зубам больно, мои из теста... Специально недопечённого...

Поймите, из меня критик или читатель, как из говна пуля. Застреваю на первых же словах, застреваю на согласованиях, читать мне больно, как языком по наждаку елозить...

Не люблю молочную московскую поэзию! Прокисает, когда на подоконник поставишь... На свет...

Я писал о хвостах образов, а у вас тут – их веснушки, родимые пятна и шрамы, шрамы... Страсти-мордасти.. Высоко залетели!

Залезайте лучше под кожу, вы, певец сукровицы!

Почти две недели торчал в Иерусалиме. Фотографировал для выставки. Достали меня и спесивые евреи и злые арабы. Пришел в ярость – написал на Золотых воротах (замурованных еще в седьмом веке) старого города короткое русское слово. Ничего умнее из себя выдавить не смог. Обратился так и к арабам и к евреям и к Мессии. Написал карандашом, мелко, чтобы Мессия все-таки не прочитал. Случайно.

Мечтаю наивно о России светлой, демократической, простой – без КГБ, без Нашистов, без митрополита Кирилла, (имел возможность насладиться общением с этим мракобесом в процессе моего отлучения от церкви). России, в который светит свет науки с Ленинских гор, соединяется со светом золотым от колокольни Ивана в Кремле и рассыпается цветными лучами по всему светлозвонному православному миру – от студеных Соловков, через Ферапонтию и Китеж на Владимир-Суздаль, от Сергиева посада на Саров и до скитов сибирских...

Страх нынешних российских властей иррационален. Что-то их мучает большее, чем боязнь ниспровержения, наказания, потери власти и денег. Тут даже не дрожь Тушинского вора. Тут что-то от насекомых. Тараканище... Моль порхает над шитой жемчугом парчой, и дыры в ней... И сквозь дыры видны свиные рылы России настоящей, не придуманной... От ладана дерьмищем несет, от святого причастия – живой кровью мучеников...

Отлетев и погрузившись (эмиграция), теряешь дыхание, и ясный смысл в голове тухнет. Надо денек в барокамере посидеть, а то кислород в легких и в мозгах закипает...

Вы написали про Р. правильно. Отсутствие поэзии, этого прелого горького листа, который нам так дорог... Бездушные, мертвенность «хороших текстов».

Трупный яд «концептов» и других красивых слов, призванных морочить

читателю голову. Точка, точка, запятая... Р., действительно, не грибница, а камень. Если страницу его текста потрясти, все словеса и буквы, как сухие муравьишки с нее слетят. Ни слезинки, ни жиринки не останется.

Тема моей жизни.

Бегство живого в потустороннее. В общество людей, ставших словами.

Отторжение от группы. От коллектива. Вон из людского потока, из нормальности, из города, из страны, а потом и из реальности. Шаг в потустороннее.

Спрятаться в потустороннем. Убежать от рутины, от всепроникающей вульгарности вещей и людей. От их плотского запаха. Спрятаться в потустороннем, уйти, дать оставшимся возможность занять твоё место, позволить их железным челюстям разгрысть кость реальности, вылакать кровь твоей современности. Скрыться в пустоту...

Текст П-ва демонстрирует симпатичный инфантилизм москвичей.

Птолемеевское сознание. Он заставляет богов и духов крутиться вместе с Москвой, летать вокруг провинциальной звездочки, мчаться вместе с ней в бессмысленной пустоте вселенной. Нелепо приписывать нечто месту и времени. Суть существования – вечное ускользание. И от нашего места в пространстве и от нашего времени. И от богов, тщетно взывающих к нам из-за стенки аквариума...

О запахах. Вы большой мастер их описывать. Но их у вас слишком много. На одной странице я насчитал сорок. Этого ни один нос не выдержит. Запахи у вас живее людей. Как у Гоголя. Но Гоголь не разъясняет, оставляет абсурд висеть в воздухе. Когда ударился в разъяснения – пропал...

Ваши предложения меня изнасиловали, в них есть клацанье зубовное, отражение-повторение внутри зеркального шара и астматическое задыхание...

Не может мысль из предложения выдраться. Застряла в словах...

«Т.» – книга чудовищная. Вполне оправдывающая свое безобразное название и ужасную обложку. Огромный розовый ком словесной пены. И трахают в ней не часто упоминаемых автором толстозадых женщин в розовом пеньюаре с

кружавчиками, а читателя. Трахают бесконечными замечаниями, разъяснениями, пояснениями, немотивированными переходами, лишними подробностями, лишними именами, словами, словами... Нельзя так упиваться писательством... В павлина можно превратиться...

500 страниц текста разъяснений. Разъяснения, нотации, жалобы. Мотивации не поспевают за фантазиями, приходится привирать, пытаюсь наверстать темп. От этого на и без того дряблой коже вашей прозы образуются складки и дырки.

Позиция рассказчика – над повествованием Поэтому трудно сопереживать. Со-жевать. Со-сношать. С помоста не с руки. Диалоги не заостряются, позиции героев расплываются, яды и соблазны не действуют, отстраненная философия раздражает...

Не получилась многоголосица – ревнивый автор затыкает всем рот. Дублирует собственных героев. Размышляет сам с собой, распиная повествование на классических литературных схемах. Наворачивая бесчисленные завитушки, чтобы скрыть свой усталый образ.

Книга страдает словесной водянкой. Диабетом. Крови в ней мало. Поддался автор соблазну большой книги. Написал. А из нее льется сладкий глицерин....

Открыл «ПрозуРу», «Вавилон»... И поспешил закрыть. Десятки тысяч авторов. И все потрясают текстами как копьями. Понимаю людей, которые не читают. Не хочется протягивать километровую корявую нитку чужого бреда сквозь мозги. Как вы не задыхаетесь в российском болоте? У вас жабры, вы – человек-амфибия.

В Москве не волны, а хаос, рябь Азии. Рябь эта сквозь ваш текст прошла и подарила ему форму. Используйте! У вас достаточно на это сил.

Если бы я возвратился – был бы без угла.

Вы работаете в поте лица своего, а я в поте лица отдыхаю, разжирел безмерно и пишу только про детство. Потом неинтересно. Лет в двадцать семь человек входит в зону смерти и оцепенения. Если вынырнет, лет в пятьдесят – то может что и поймет. Если очнется... А так... Туман, свинец, рутина. Автопилот.

У вас есть любовь, а у меня только боли и заботы. Перед вами солнечная мельница – Москва. Бросайте слова на ее крылья, и она их сама разбросает в

прозу или стих...

Упивайтесь квасным молоком этой суки...

Если я вас раздражаю, не читайте. Мой бегунок не по лесенке смысла бегаёт, а по желёзкам, как небесный кузнечик по звездочкам....

Для разумного – каторга. Я хочу в простых словах не смыслы донести, даже не образы отчеканить, а образы следы потрогать... Мелькунчики...

Согласитесь, все, что на «Гранях» пишется – и старо и не оригинально. Все уже было и говорено и переговорено и переварено и забыто. От этих разговоров – колики. Говорить то не о чем. Все проболтала сорока лет сто назад.

В небесах от русских гениев тесно, а на земле – Путин-Вий стоит. Там дубинки положены архангельские. Одна дорога – к муравьям, к мышам, в грязь.... Хоть и это было и до совершенства даже доведено... Подполье. Подлавочье. Шесток.

На Россию я давно махнул рукой. И на себя и на мир и на Бога. Тут не нигилизм и распущенность, тут – «простите, не вышло, стройте свои вертикали сами». А я в речке хочу поплавать. На другой стороне собачка лает... А во рту монетка медная...

Ни с кем мне не хочется спорить.

Умные люди приводят меня в ужас. Как они могут там жить? Ведь это подло.

Русские слова пропадают. Смеются боги... Всю жизнь гоготал как ящер над языком Набокова, – благородным, но без сока современности. С бабочками, но без гнилой капусты советского продмага. Фиолетовым стерильным языком чистилища... А теперь и сам попал под стекло.

«Грани» мне надоели. Реагируют на меня только бригадники.

С ними воевать все равно, что честной женщине соревноваться с блядью...

И винить некого! Все мы, жившие в брежневскую эпоху, виноваты в том, что тогда происходило. Не одни только гэбисты и коммуняки. Они были молотом, а наковальней были мы. И сегодня – все виноваты в том, что происходит. И миндальничающий с диктатором Запад тоже. Путин и его люди – ничтожно малая часть России. Ведут они себя так, как им позволяют. Путинщина не

татарское иго, а система существования, отражающая волю большинства. Не плачьте, пройдет и эта напасть. Побрейте усики...

Не понимаю всеядности и равнодушия русского народа. Его грабят, ставят на карачки, ему ампутуют ноги и яйца, а он все пьет и друг другу почки отбивает, вместо того, чтобы сбросить хунту и выбрать во власть достойных людей. Всю свою тысячелетнюю историю. Что-то тут не так. Может быть, все наоборот? Иванов – не спирохета, Путин – не крыса, Медведев – не гнойный карлик, а наоборот – достойные представители русского народа? И Иван ложится под путинскую властную вертикаль как прежде под розги – с удовольствием.

И в такую Россию возвратиться? Жертвой заделаться на старости лет? С моим брюхом?

Империю нет, а бородавка осталась.

Сковырнешь – еще тысяча вырастет.

Последние месяцы мне непрерывно грозят в интернете. Как-то вычислили моих дочек... Грозят убить. Русские шуточки...

В сентябре 1990-о взял я перпендикулярный курс. Слез с печи. Захотел от русского языка оторваться. А он меня догнал. В полете. Вот и стал я стрелком. Стреляю. В молоко, в молоко... А надо – в молоко.

Уползаю в подробности. В густую травку. Уж-замуж-невтерпеж. А там рыщет волчок.

Это Рождество проведу один.

Обижаю всех. Как старый павиан. Всех царапает, бьет, а потом сидит на высоком суку. Смотрит на виднеющееся за зеленым мохнатым ковром серое море. На его белесые волны. И тоскует. Не хочет смириться. Боится вкрадчивости. Знает, что во всем сам виноват. И от этого ему еще горше...

После первой моей большой выставки в Германии пригласил меня один критик в гости. Коллекцию старого китайского фарфора смотреть.

Я спросил, нравятся ли ему мои работы.

Критик ответил – ты делаешь такое же цветное чувственное говно, как и твои свинорылые братья славяне. И наглые восточные евреи. Как в вашей литературе – истерические излияния, бессмысленные подробности, самолюбование, юродство, подлость и чернуха. Какие в жизни, такие и в искусстве. Посмотри на косоглазых, – ни одной лишней линии, ни одного бессмысленного прибабаса, а цвет – это атомное оружие, появляется только в хорошо отмеренных дозах. Какая сдержанность! Сила! А ты цветом пишешь, масло в масло льешь, сахар в сахар сыплешь. Пестрая славянская блевотина, а не живопись. Старые иконы – это класс! А вы все – ослепшие в чувственном кретинизме провинциальные скоты!

Что-то тогда я ему возразил...

Но он был прав.

Я оставил цвет, перешел на тона.

Но чувственную природу сублимировать так и не сумел.

Пришлось загнать самого себя в текст как непослушное стадо бодливых яков – в загон.

Мое потерянное среди квадратных эпох поколение должно обрести голос.

Родились мы после того, как генный остаток старой культуры разошелся, растворился, сгинул под жерновами сталинщины. Из насросло дикое мясо современности. За нами идущие смогли нас оттеснить. Раскрыть рот мы так и не успели... Пьем теперь чужое пиво на последней площадке...

О моей писанине мне с тобой говорить не хочется. Эти строки продавлены из фонетики в голый смысл. Колющие палочки. Клинопись. По линии отторжения реальности от сознания бежит слово... Тут музыки нет. Одни грубые ударные. Дым над водой летит. Задницы по-скрипачьи пердят. Ни тебе литературы, ни приподнятости, ни вековой культуры – только личное дерьмо....